

Научная статья
УДК 323
doi: 10.17223/15617793/481/10

Модели работы с коллективными историческими травмами

Наталья Николаевна Самсонова¹

¹ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, natalie.samsonova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу механизмов работы с коллективной травматической памятью: моделей забывания истории, моделей квазирепрезентаций прошлого и моделей детравматизации. Делается вывод, что травматическая реакция определяется не только психологическими механизмами, но и спланированными стратегиями (конструктивными и квазирепрезентативными). Заключается, что особое значение в современном мире приобретает уход от монолога групповой памяти к выстраиванию совместимых картин прошлого отдельных сообществ.

Ключевые слова: коллективная историческая травма, модели детравматизации, политика памяти, диалогическое памятование

Для цитирования: Самсонова Н.Н. Модели работы с коллективными историческими травмами // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 84–89. doi: 10.17223/15617793/481/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/10

Models of dealing with historical traumas

Natalia N. Samsonova¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, natalie.samsonova@gmail.com

Abstract. The article analyses the mechanisms of dealing with collective traumatic memory as a source of similar patterns of identification in a stable community. Collective historical traumas are a problem of dissonance between the collective experience of a historical event and its consequences, on the one hand, and the constructed representation of this experience, which arose as a result of either the absence of conditions for its articulation, or incorrect decoding (interpretation) of this experience, on the other. Overcoming collective historical traumas is one of the objectives of memory politics, including the state memory politics. At the same time, the formation of cultural models for working with traumatic experience cannot be successful without a thorough theoretical study of the types of traumatic reactions, the mechanisms of awareness and overcoming of historical traumas. The analysis is based on the methodological synthesis of the main approaches to the understanding of historical trauma (psychoanalytical and sociological), the author explores the mechanisms of detraumatization using a historical retrospective approach and discourse analysis. Through the analysis of the fundamental studies of the phenomenon of the traumatic past (Z. Freud, C. Caruth, F.R. Ankersmit, D. LaCapra, J. Alexander, A. Assmann, et al.), several levels of work with collective traumatic memory are distinguished: models of forgetting history, models of quasi-representations, models of detraumatization. The author infers that the reaction to collective trauma is determined not only by psychological mechanisms (repression, oblivion, self-justification), but also by planned strategies and directives (on the one hand, these models could be constructive: a model of intellectual historicisation, models of compromise and dialogic memory; on the other hand, they could be aimed at suppressing analytical impulses and building quasi-representations: models of falsification, mutual offset of guilt, externalisation). The advocates of psychoanalysis claim that the articulation of traumatic experience is one of the main mechanisms for overcoming a historical trauma. At the same time, the orderly organization of memory of the past, which includes the techniques of spatial and temporal localisation, is a condition for successful detraumatization. For successful canalisation, a certain social significance must be attributed to a traumatic event, expressed in fixing it in normatively significant texts, and strengthened with the help of the performative potential of art. The intellectual historicization model corresponds to these goals. One of the most important contemporary memory trends is the shift from the monologue nature of group memory (as well as from the compromise memory model based on shared narratives) to shareable narratives of individual communities (the dialogic memory model).

Keywords: collective historical trauma, detraumatization models, memory policy, dialogic commemoration

For citation: Samsonova, N.N. (2022) Models of dealing with historical traumas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 84–89. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/10

В качестве гарантии устойчивости как условия непрерывного развития каждое сообщество нуждается если не в идентичности, то в сходных паттернах иден-

тификации, одним из которых выступает историческая память как «механизм отбора и переработки представлений о прошлом, являющихся основанием не индиви-

дуального, а минимально коллективного сознания» [1. С. 29]. В этом смысле коллективный травматический опыт нуждается в осмыслении не меньше, нежели иные аспекты исторического наследия.

Анализируя основополагающие научные работы, посвященные феномену травматического прошлого, представляется возможным выделить несколько уровней работы с коллективной травматической памятью (см. также: [2]).

Уровень 1. Модели забывания истории

Императив забвения как противоположность императива памятования, выраженный в формуле *“perpetua, oblivio et amnestia”* в тексте заключенного в 1648 г. по итогам Тридцатилетней войны мирного договора, считался ориентиром в разрешении социальных конфликтов вплоть до XX в., когда в условиях формирования в мировом сообществе новых, все более высоких правовых стандартов как властные, так и интеллектуальные элиты столкнулись с необходимостью переоценки таких явлений, как колониализм, политическое насилие, дискриминация по расовому, религиозному и иным признакам, и их включения в официальный исторический нарратив.

Исследуя проблематику разрешения внешних и внутренних вооруженных конфликтов, К. Майер отмечает, что, хотя память традиционно рассматривают в качестве средства, препятствующего рецидиву насильственных преступлений (формула Х. Арендт «помнить, чтобы не забывать»), она обладает и способностью сохранять деструктивные силы в коллективном сознании участников конфликта [3]. Вкупе с излишней самовиктимизацией память способна спровоцировать новый виток спирали насилия, особенно если мирные средства восстановления общественного равновесия были исчерпаны [4. С. 196].

С позиций психоанализа вытеснение памяти о травматическом событии представляет собой естественную реакцию психики. Как отмечал В. Болебер, дефицит скорби (т.е. описанного З. Фрейдом благотворного осмысления утраты на контрасте с неконструктивным состоянием меланхолии – заикливания на травматическом событии) [5] сам по себе является симптомом травмы, которую «люди отстраняют от себя, чтобы жить дальше» [6. С. 142]. Однако мнемотическое обнуление не способствует преодолению травмы: будучи вытесненной в подсознание, она может привести к психическим расстройствам, неврозам, психосоматике.

Применительно к групповому сознанию Ф.Р. Анкерсмит описывает два варианта подобного вытеснения. В первом случае речь идет о намеренном вытеснении из коллективной памяти исторических эпизодов, переживание которых сопряжено со слишком большим эмоциональным напряжением для их немедленной имплементации в коллективную ментальность. При этом травмирующее событие не приводит к утрате коллективной идентичности: она сохраняется вместе с действующими психологическими законами и механизмами, определяющими возможную реакцию

общества на травматический опыт. Вытеснение травматического эпизода сопряжено с желанием сконцентрировать коллективные силы для движения вперед, без чувства вины или неконструктивной жалости к себе. О сходных формах коллективных реакций на риск пишет и Э. Гидденс, выделяя в числе поведенческих паттернов прагматический (фокус на повседневных действиях, табуирование тревожных симптомов) и оптимистический (убеждение в том, что общественное развитие рано или поздно само нивелирует травматические последствия) [7].

Как уже упоминалось ранее, подавление аналитических импульсов не проходит бесследно. Описывая германский опыт коммуникативного замалчивания, А. Ассман отмечает такие его негативные последствия, как разделение между частной жизнью и политикой, атрофия общественной жизни, героизация молчания, постепенно распространившаяся на все сферы общественной жизни, обесценивание публичной сферы, низкий уровень развития средств общественной коммуникации [8. С. 193].

Во втором случае забвения в классификации Ф.Р. Анкерсмита речь идет о подлинной утрате идентичности, следующей за радикальными историческими преобразованиями, вызывающими ощущение тяжелой и невозполнимой потери, которая сопровождается упадком культуры и общей дезориентацией: «Между идентичностями (старой и новой) возникает пустота, и нет даже прослойки бессознательно» [9. С. 404]. Примером может послужить уничтожение триединства «православие, самодержавие, народность» после революции 1917 г., а также радикальный отказ от коммунистической риторики в посткоммунистических государствах в 1990-е гг. Столкнувшись с осознанием, что прежний порядок, сформированные каналы социальных отношений, сложившаяся иерархия разрушены, а система ценностей более не актуальна и даже порицаема, коллективная общность не может уже основывать на них свою идентичность.

Таким образом, возникновение моделей забывания истории сопряжено либо с «перерывностью истории», изменением типа цивилизации, утратой органического единства (распад государств СССР, Югославии и т.д.), либо с коренным переформатированием общества (например, Германия после Второй Мировой Войны), когда субъекту необходимо иначе конструировать и понимать себя. Вместе с тем идентичность необходимо выстраивать исходя из прошлого, а заблокированные в течение долгого времени фрагменты заменяются мифами, манипулятивными псевдоисторическими конструкциями.

Уровень 2. Модели квазирепрезентации прошлого

В ситуации, когда субъект не может в полной мере осознать травматический опыт по ряду причин (например, когда число жертв было велико, а палачи не наказаны), вероятна подмена правдивых образов прошлого эрзац-репрезентациями, которые могут вести к коллективным неврозам. К совокупности стратегий отрица-

ния вины, используемых при построении квазирепрезентаций прошлого, исследователи относят экстернализацию, взаимный зачет вины, фальсификацию, инструментализацию травмы и др. [8].

В основе *стратегии взаимного зачета вины* лежит идея допущения уравнивания одной вины другой с целью аннулирования. Примером подобной риторики могут служить множасьшие представления о характере Второй мировой войны, по верному замечанию В.И. Коваленко, как минимум «уравнивающие» политики СССР и нацистской Германии, а в крайних своих выражениях объявляющие Союз «страной, утвердившей в сравнении с гитлеризмом оккупационный режим в десятке стран Центральной и Восточной Европы» [10. С. 36–37.].

Стратегия экстернализации предполагает отрицание собственной вины и приписывание ее другому. Ее использование характерно для описанной Б. Гизеном «травмы преступника», или «травмы стыда», вызываемой стремительной деконструкцией положительного представления о себе в результате радикального изменения рамочных условий осмысления собственных действий и их последствий, массовым получением критических оценочных суждений извне и невозможностью ни рациональным (для молчаливого свидетеля), ни насильственным способом (для палача) доказать свою прежнюю правоту [11].

Возможность *фальсификации* травматической памяти сопряжена с пластичностью социальной памяти в целом. Пользуясь терминологией М. Хальбвакса, процесс воспоминания можно охарактеризовать как «работу по преобразованию прошлого» [12]: формирование репрезентаций травматического события происходит под влиянием изменчивой социальной конъюнктуры, особенно с учетом естественной с течением времени замены живой памяти опыта на медиальную память. Однако если М. Хальбвакс рассматривал такую работу с прошлым как естественный коллективный мнемотический механизм, то современные представители социологического подхода к пониманию травмы, в частности П. Штомпка, Дж. Александер, Р. Айерман, Дж. Смелзер, подчеркивали, что травматическое переживание не только активизируется и трансформируется сообразно социокультурному контексту, но и вектор его движения может быть преднамеренно задан группой лиц, преследующих конкретные цели. Подобная инструментализация травмы может представлять собой попытку легитимизации политических целей за счет потенциально травматических исторических эпизодов. Обладая значительным консолидирующим потенциалом, травма, как отмечает Д.А. Аникин, конструирует определенную интерпретацию исторического прошлого, задавая выбор события, трагическое восприятие которого становится фактором поддержания коллективной идентичности [13]. Примером может послужить использование критического нарратива «старой России» и трагических событий 1917 г. в предвыборной риторике Б.Н. Ельцина.

Особую опасность инструментализация травмы представляет тогда, когда речь идет об использовании

в конфликтогенной схеме «свой–чужой» травматических переживаний отдельных этнофоров, проживающих в многонациональном и мультикультурном государстве. При определенных условиях искусственное разжигание чувства исторической несправедливости может привести к повышению уровня напряженности в межэтнических отношениях и выразиться в конфликтах, росте этнической преступности и экстремистских настроений. В качестве примера подобного выстраивания травматического дискурса можно привести использование Партией народной свободы событий 1919 г. в своей риторике, направленной на создание собственной интерпретации травматического опыта казачества таким образом, что в вопросах распределения вины в спектр ответственных включалась не только «коммунистическая», но и современная власть.

Уровень 3. Модели проработки травмы (детравматизации), сопряженные с полноценной работой над травмами

Организация полноценной проработки травмирующего прошлого требует комплекса условий. В первую очередь речь идет о наличии сложившегося коллективного субъекта с устойчивой самоидентификацией. Второе условие – институционализация перехода от травмирующей среды к безопасной (например, от диктатуры к демократии) и создание условий для артикуляции травматических переживаний как в правовом, так и в культурном поле. Кроме того, в работе с коллективной травмой необходимо учитывать естественные мнемологические и психологические механизмы.

Специфика травматического эффекта заключается в том, что травма с высокой долей вероятности лишает индивида возможности связать артикулировать свои переживания, поэтому «голос травмы» может звучать посредством, на первый взгляд, непрозрачных действий или образов. Исследователи, в частности, К. Каруг, Р. Айерман и др., отмечают необходимость изучения литературных и иных форм искусства как сообщений, способных преодолеть границы неартикулируемого. Например, репрезентации травмы жертв политических репрессий в отечественном культурном пространстве во многом формировалась в жанре так называемой «лагерной литературы»: «Крутой маршрут» З.С. Гинзбург, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова и т.д. Артикулированные воспоминания становятся в данном случае социально-терапевтическим средством, перформативным актом кризисного периода, подготавливающим почву для следующего этапа – вписания в общепринятый исторический нарратив.

Еще одно условие успешной детравматизации – упорядоченная организация памяти о прошлом (каналлизация переживаний). Хотя артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы, сама по себе травма не «проговаривается» так, чтобы ввести ситуацию в нормальное русло. Напротив, автома-

тическое, рефлекторное проговаривание, как отмечает Д. ЛаКапра, способно усилить травматизацию, поскольку его механизм тождествен механизму неконструктивной меланхолии и ведет к сращиванию с травматическим контекстом [14. С. 722]. «Прорабатывание» же, наоборот, выражается в максимально рациональном стремлении субъекта создать четкое разграничение между травматическим прошлым, конструктивным настоящим и перспективным будущим, что создает потенциал критической оценки как самого события и пережитого опыта, так и их сформированного восприятия [15. С. 36]. В описанном З. Фрейдом механизме травматических реакций принципиальным отличием между деструктивной меланхолией и конструктивной скорбью выступают «системность», «регламентированность» и «дозированность» травматического повторения [5. С. 253]. Примером такого повторения, конструктивного «осовременивания прошлого» являются коммеморационные практики.

Основными коммеморационными приемами в работе с травмами выступают прием определенной пространственной локализации за счет «устойчивых форм сохранения» и прием временной локализации благодаря достижению «универсальных форм повторяемости».

К способам пространственной локализации относятся как организация мемориалов, музеев и исторических памятников на нейтральных территориях с расширением информированной и сопереживающей аудитории (например, Музей ГУЛАГа и мемориал «Стена скорби» в Москве, памятный знак «Пострадавшим в годы гонений и репрессий» в Сергиевом посаде), так и означение непосредственно травматических мест (мемориальный комплекс «Катынь», Еланский казачий музейно-мемориальный комплекс, мемориальный комплекс «Двенадцатый километр» в Свердловской области и др.). Временная локализация представляет собой чествование травматических годовщин. Такие даты могут быть комплексными и нести в себе память о пережитом страдании, память о победе, память об извлеченных уроках, а также вмещать определенные политические цели (так, назначение годовщины Октябрьской революции Днем согласия и примирения в 1996 г. можно рассматривать как попытку нивелировать идеологический раскол в постсоветском обществе).

Устоявшиеся модели воспоминания представляют собой идентификационные маркеры, предлагают императивы действия для будущих поколений, дают возможность в одно и то же время выражать свои чувства и соблюдать установленные в обществе правила поведения [8. С. 249]. Однако для успешной канализации травматическому событию должна приписываться определенная социальная значимость, выражаемая в закреплении в нормативно-значимых текстах и упроченная с помощью перформативного потенциала искусства. Этим целям соответствует *модель интеллектуальной историзации*.

Ф.Р. Анкерсмит описывает механизм преодоления травмы как восстановление правдивой истории о травмирующем прошлом. С позиций психоанализа

представление травматического опыта в форме нарратива способствует его излечению в силу четкого разграничения травмирующего прошлого и настоящего. В плоскости коллективной памяти историзация события должна основываться на двух аспектах: обзоре потерь, которые могут быть трансформированы в нарратив и тем самым представлены в настоящем или транслированы в будущее (буквально: «Преодоление прошлого может состояться только при условии нашей способности рассказать окончательную историю о том, от чего мы откажемся именно благодаря нашей способности рассказывать» [9. С. 467]), и свидетельской объективации.

Вместе с тем модель интеллектуальной историзации сопряжена с определенными рисками. Как отмечают представители социологического подхода к пониманию исторических травм, специфика институционализации дискурса напрямую зависит от социально-политического контекста, целей, которые «переводчик» закладывает в формируемое им сообщение (примечательно, что в модели Н.Дж. Смелзера фаза посттравматической адаптации носит название «социального контроля» [16]). Так, в числе разнообразных доминирующих в различные периоды нарративов советского прошлого можно выделить актуальный в 1990-е гг. критический нарратив, созданный с целью сформировать образ «новой, сильной России» на контрасте с «Россией прежней» (советской и дореволюционной), сменивший его нарратив «сталинизма как авторитарной модели ускоренной модернизации», сформированный для решения проблемы избыточной самовиктимизации, и, наконец, предложенный Д.А. Медведевым и сохраняющий свою актуальность нарратив «невозможности нормализации сталинизма» и признания равновеликой важности сохранения памяти как о победах, так и о поражениях прошлого, нашедший свое отражение в тексте принятой в 2015 г. Концепции государственной политики РФ по увековечению памяти жертв политических репрессий: «Страна не может стать в полной мере правовым государством и занять ведущую роль в мировом сообществе, не увековечив память многих миллионов своих граждан, ставших жертвами политических репрессий» [17]. Как подчеркивает А. Ассман, в условиях глобализации реконструкция памяти национальной утрачивает свою направленность исключительно на собственную нацию [4. С. 190]. Безусловно, каждая социальная группа обладает правом на собственную память, однако ее история, по замечанию Р. Козеллека, будет иметь значение лишь при признании другими социальными группами и при устойчивой взаимосвязи с их картинами прошлого [18], что приводит к необходимости использования *моделей компротического и диалогического памятования*.

Компромиссное памятование основано на выстраивании диалогической взаимосвязи между памятью жертв, свидетельской памятью и памятью преступников. Специфическим институтом, отвечающим данной цели, выступают так называемые комиссии правды и примирения – официально уполномоченные государственной властью организации, занимающие

ся исследованиями спорных исторических событий (например, Южноафриканская комиссия правды и примирения (TRC), Сальвадорская комиссия (Commission on the Truth for El Salvador), Аргентинская комиссия CONADEP и др.). Деятельность таких институтов позволяет снизить уровень коллективной вины и дать ответы на необходимые в создании устойчивого нарратива вопросы: установление источника боли и личности преступника, определение природы жертвы и т.д. В этом смысле существенную роль играют и профессиональные экспертные сообщества, а также правозащитные организации (например, в РФ – Ассоциация исследователей российского общества (АИРО-XX, после 2000 г. АИРО-XXI), фонд «Историческая память», портал «Полит.ру», клуб «Билингва», центр Карнеги (издание «Pro et Contra») и др.).

Модель диалогического памятования характеризуется ослаблением монологизма групповой памяти, открытостью травматического дискурса. В отличие от компромиссного памятования оно подразумевает не заключение мемориально-этического договора на какой-либо длительный срок, а совместное производство исторического знания в общей истории нанесенной и пережитой травмы. Речь идет не столько о выработке единого нарратива (shared narratives) для всех социальных общностей (в том числе государств), что невозможно с учетом рамок социальной памяти, сколько о взаимном признании и совместимости картин истории (shareable narratives) [19. Р. 14] (например, деятельность группы по сложным вопросам истории российско-польских отношений под руководством бывшего министра иностранных дел Республики Польша А. Ротфельда и ректора МГИМО А.В. Торкунова).

Использование модели диалогического памятования значимо не только на общемировом, но и на внут-

ригосударственном уровне. Как показал Дж. Александер, для конструирования травматической репрезентации, способной помочь носителям травматических переживаний преодолеть их, особое значение имеет формирование связи жертвы травмы с более широкой аудиторией [20. С. 23]. Это особенно важно, когда речь идет о коллективных травмах этнических групп, проживающих в многонациональном государстве: диалог памяти как акт коммуникации позволяет устранить асимметрию памяти, достичь символического баланса и сформировать устойчивые связи между отдельными сообществами, как то: сообщество носителей и периферийная аудитория, поляризованные различными взглядами на травматический эпизод группы и т.д.

Таким образом, реакция на коллективную травму определяется не только психологическими механизмами (вытеснение, забвение, самооправдание), но и спланированными стратегиями и директивами, как конструктивными (модель интеллектуальной историзации, модели компромиссного и диалогического памятования), так и направленными на подавление аналитических импульсов и построение квазирепрезентаций (фальсификация, взаимный зачет вины, экстернализация). С позиции психоанализа артикуляция травматических переживаний выступает одним из основных механизмов преодоления исторической травмы. Вместе с тем условием успешной детравматизации является упорядоченная организация памяти о прошлом, включающая в себя приемы пространственной и временной локализации. Особое значение в современном мире приобретают уход от монологического характера групповой памяти и выстраивание совместимых картин травматического прошлого отдельных сообществ.

Список источников

1. Артамонова Ю.Д. К вопросу о механизмах исторической памяти // Вестник славянской культуры. 2018. Т. 48. С. 29–49.
2. Самсонова Н.Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2021. № 3. С. 69–77.
3. Meier Ch. Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns : Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit. München : Siedler Verlag, 2010. 160 S.
4. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М. : Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.
5. Фрейд З. Скорбь и меланхолия // Художник и фантазирование. М. : Республика, 1917. С. 252–260.
6. Bohleber V. Trauma, Trauer und Geschichte. Köln, 2001. 154 S.
7. Гидденс Э. Последствия современности. М. : Практика, 2011. 352 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.
9. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. М. : Европа, 2007. 609 с.
10. Коваленко В.И. Историческая память и историческая ответственность: против фальсификации истории второй Мировой войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1. С. 36–42.
11. Giesen B. Triumph and Trauma. London : Paradigm publishers, 2004. 196 p.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
13. Аникин Д.А. Коллективные травмы как предмет memory studies: специфика российского дискурса // Studia Humanitatis. 2020. № 4. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik>
14. LaCapra D. Trauma, Absence, Loss // Critical Inquiry. 1999. Vol. 25 (4). P. 696–727.
15. Николай Ф.В., Кобылин И.И. Интеллектуальная история Д. ЛаКапра: контекст и метод // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 31–44.
16. Smelser N.J. Theory of Collective Behavior. New York : The Free Press, 1963. 436 p.
17. Об утверждении Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий : распоряжение Правительства РФ от 15.08.2015 № 1561-р (ред. от 26.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2015. № 34. Ст. 4930.
18. Koselleck R. Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt a. M. : Schurkamp, 1995. 389 S.
19. Passerini L. Shareable Narratives? Intersubjectively, Life Stories and Reinterpreting the Past // Berkely Paper. 2006. August. P. 11–16.
20. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.

References

1. Artamonova, Yu.D. (2018) K voprosu o mekhanizmax istoricheskoy pamyati [To the question of the mechanisms of historical memory]. *Vestnik slavyanskoy kul'tury*. 48. pp. 29–49.

2. Samsonova, N.N. (2021) *Mekhanizmy preodoleniya istoricheskoy travmy: osnovnye issledovatel'skie podkhody* [Mechanisms for Overcoming Historical Trauma: Basic Research Approaches]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 3. pp. 69–77.
3. Meier, Ch. (2010) *Das Gebot zu vergessen und die Unabweisbarkeit des Erinnerns: Vom öffentlichen Umgang mit schlimmer Vergangenheit*. München: Siedler Verlag.
4. Assmann, A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noy kul'turoy* [New Dissatisfaction with Memorial Culture]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Freud, S. (1917) *Khudozhnik i fantazirovanie* [Mourning and Melancholia]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 252–260.
6. Bohleber, V. (2001) *Trauma, Trauer und Geschichte*. Köln: [s.n.].
7. Giddens, A. (2011) *Posledstviya sovremennosti* [The Consequences of Modernity]. Translated from English. Moscow: Praksis.
8. Assmann, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo. Memorial'naya kul'tura i politika* [The Long Shadow of the Past. Memorial culture and politics]. Translated from German. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
9. Ankersmit, F.R. (2007) *Vozvyshennyy istoricheskiy opyt* [Sublime Historical Experience]. Translated from English. Moscow: Evropa.
10. Kovalenko, V.I. (2013) *Istoricheskaya pamyat' i istoricheskaya otvetstvennost': protiv fal'sifikatsii istorii vtoroy mirovoy voyny* [Historical memory and historical responsibility: against the falsification of the history of the Second World War]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istorika. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 1. pp. 36–42.
11. Giesen, B. (2004) *Triumph and Trauma*. London: Paradigm publishers.
12. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from French. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
13. Anikin, D.A. (2020) *Kollektivnye travmy kak predmet memory studies: spetsifika rossiyskogo diskursa* [Collective Trauma as a Subject of Memory Studies: Specifics of Russian Discourse]. *Studia Humanitatis*. 4. [Online] Available from: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-kollektivnye-travmy-kak-predmet-memory-studies-specifik>.
14. LaCapra, D. (1999) Trauma, Absence, Loss. *Critical Inquiry*. 4 (25). pp. 696–727. DOI: 10.1086/448943
15. Nikolai, F.V. & Kobylin, I.I. (2011) *Intel'ktual'naya istoriya D. LaKapry: kontekst i metod* [Intellectual history of D. LaCapra: context and method]. *Dialog so vremenem*. 34. pp. 31–44.
16. Smelser, N.J. (1963) *Theory of Collective Behavior*. New York: The Free Press.
17. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. (2015) *Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy politiki po uvekovecheniyu pamyati zhertv politicheskikh repressiy: rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 15.08.2015 № 1561-r (red. ot 26.03.2019)* [On the approval of the Concept of State Policy for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repressions: Decree of the Government of the Russian Federation No. 1561-r of August 15, 2015 (as amended on March 26, 2019)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 34. Art. 4930.
18. Koselleck, R. (1995) *Vergangene Zukunft: Zur Semantik geschichtlicher Zeiten*. Frankfurt am Main: Schurkamp.
19. Passerini, L. (2006) Shareable Narratives? Intersubjectively, Life Stories and Reinterpreting the Past. *Berkely Paper*. August. pp. 11–16.
20. Alexander, J. (2021) *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural trauma and collective identity]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 3. pp. 5–40.

Информация об авторе:

Самсонова Н.Н. – аспирант кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.N. Samsonova, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalie.samsonova@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.05.2022;
одобрена после рецензирования 16.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 31.05.2022;
approved after reviewing 16.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.